

Литература

1. Рубрика «Отзыв о книге дня». – Режим доступа: https://vk.com/wall-45701667_28314.
2. Шемякин М.М. Моя жизнь: до изгнания / Михаил Шемякин. – Москва: Изд-во АСТ: Ред-я Елены Шубиной, 2024. – 714 с.

С.А. Скуридина

Воронежский государственный технический университет

e-mail: saskuridina@yandex.ru

УДК 801.313.1

ЗООМОРФНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «ДЯДЮШКИН СОН»

Ключевые слова: *зооморфизм, оним, апеллятивно-онимное взаимодействие, «Дядюшкин сон», Ф.М. Достоевский.*

Статья посвящена исследованию зооморфизма как одного из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского. В работе рассматривается, каким образом зооморфная символика, затрагивающая апеллятивно-онимное единство, используется Ф.М. Достоевским в повести «Дядюшкин сон» для раскрытия внутреннего мира персонажей, выражения их душевных состояний и объяснения их поступков. Введение зооморфной семантики позволяет писателю создавать яркие, зачастую карикатурные образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы.

S.A. Skuridina

Voronezh State Technical University

ZOOMORPHISM IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVEL "UNCLE'S DREAM"

Key words: *ornithomorphism, onym, appellative-onym interaction, "Uncle's Dream", F.M. Dostoevsky.*

The article is devoted to the study of zoomorphism as one of the principles of F.M. Dostoevsky's onomastic code. The paper examines how the zoomorphic symbolism, affecting the appellative-onym unity, is used by F.M. Dostoevsky in the story "Uncle's Dream" to reveal the inner world of the characters, express their mental states and explain their actions. Using zoomorphic semantics, the writer creates vivid, often caricatured images, while simultaneously emphasizing the complexity of human nature.

Зооморфная символика сопровождает человека на протяжении всего развития культуры. Уже в древности зооморфный образ становится способом воплощения представлений людей о мире, которые жили бок о бок с животными и наблюдали за их поведением, соотнося его с человеческим, что нашло отражение в языковой картине мира разных народов. Гура говорит об особом зоологическом коде языка культуры, поскольку «образы животных служат одним из средств выражения представлений о мире в различных его проявлениях» [3, с. 22]

Использование зооморфных наименований является одним из принципов ономастического кода Ф.М. Достоевского, что нами неоднократно отмечалось [7]. Безусловно, это связано с распространенностью фамилий, включающих зоолексемы, которую не мог не заметить настоящий художник слова, а также с переосмыслением в русской лингвокультуре, когда для обозначения каких-либо особенностей человеческого характера или поведения используется определенная зоолексема: заяц – трусость, лиса – хитрость, баран – глупость, волк – свирепость и т.д. Однако в текстах писателя зооморфные мотивы, проявляющиеся в апеллятивно-онимном единстве, способствуют выявлению заложенных в произведение смыслов. У Ф.М. Достоевского была мысль о том, что работа на земле может сделать из звере людей: «Если хотите переродить человечество к лучшему, почти что из зверей поделайте людей, то наделите их землею – и достигнете цели», поэтому в романе «Братья Карамазовы» Дмитрий хочет начать «тотчас пахать, работать» [5, т.15, с.186]

Как верно замечает В.П. Владимирцев, «зоосемичные шифры именованности – наиболее характерная особенность поэтического языка Достоевского» [2, с. 315], а «начальный предел художественных зооморфных кодов Достоевского – роман “Бедные люди” [2, с. 312]. Уже в первом романе для обозначения отрицательного персонажа Ф.М. Достоевский вводит зооморфную фамилию *Быков*. В повести «Белые ночи» возникает антропоним *Баранников*, такая фамилия дана владельцу дома, в котором проживает герой и который советует скорее бросить Настеньку и переехать к ним [II, 138]. Фамилия *Баранников*, восходя к апеллятиву *баранник* ‘бараний пастух’, тем не менее, воспринимается как зооморфная, так как соотносится с названием животного *баран*, которое писатель воспринимал в контексте известной русской поговорки *Смотреть как баран на новые ворота*, используемой Ф.М. Достоевским при описании мужа Москалевой в повести «Дядюшкин сон»: «Во-первых, это весьма представительный человек по наружности и даже очень порядочных правил; но в критических случаях он как-то теряется и смотрит как баран, который увидал новые ворота» [5, т. 2, с. 298], а также в характеристике слуги князя К.: «Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду!» [5, т. 2, с. 313]. В повести «Село Степанчиково и его обитатели» в рассказах Ростанева ожидаемый им господин Коровкин предстает как всемогущий вершитель судеб, способный избавить всех

от Фомы Фомича, но внимательный читатель должен обратить внимание не только на диминутивный суффикс фамилии -к-, но и на лексему корова (самка быка), ставшую производящей основой для фамилии предполагаемого избавителя, которые в совокупности используются Ф.М.Достоевским для снижения образа, окончательно произошедшего в сцене первого появления Коровкина в пьяном виде. Целостность образа Коровкина завершает авторская ремарка об истасканном фраке, который был в «пуху и сене» [5, т. 3, с. 156].

В повести «Дядюшкин сон» с помощью зооморфных фразеосочетаний передаются особенности поведения персонажей. Мордасовское мужское общество представляет собой сборище ослов: «Здесьние ослы удивляются, что тебе двадцать три года и ты не замужем, и сочиняют об этом истории» [5, т. 2, с. 320], «Да я бы, если б была мужчиной, я бы тебе полцарства достала, если б ты захотела! Ослы они все!» [5, т. 2, с. 333], «Вот почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встречая в провинции вместо психологов и сердцеведов чрезвычайно много ослов» [5, т. 2, с. 336], а женское общество эплицируется в образе сороксплетниц: «Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку» [5, т. 2, с. 328]; «вот и сейчас эта сорока натрещала мне всякой всячины...» [5, т. 2, с. 332].

О князе К. сообщается, что он «сидит, как мокрый кот» и смотрит «в лорнетку» на пигалиц [5, т. 2, с. 329] – молодых девушек, танцующих перед ним не по возрасту в коротких платьях. Данный эпизод вписан Ф.М. Достоевским в свадебную символику. Пигалица – «птица *Vanellus*, с голубя, чубатая, с зеленым отливом, белобрюхая» [3, т. 3, с. 109]. Птичья символика напрямую связана со свадебным обрядом, где иногда невеста называется сорокой (народноэтимологическое осмысление лексем сорока и сорочка) [3, с. 566], а указание на красную шапочку соотносится с надеванием сороки – головного убора, который разрешалось носить после замужества. Пигалица, или пигалка – в костромских диалектах «ласковое прозвание молодой, новобрачной» [4, т. 3, с. 109], вероятно, возникшее в результате переосмысления наименования пицалка, используемого для наименования быстроглазой девушки [4, т. 3, с. 109]. Таким образом, князь К., представший в образе жениха – кота, готового схватить птичку. Впоследствии в романе «Бесы» свадебная символика выстраивается писателем также при использовании образов птиц, восприятие которых закрепилось в народном сознании в течение многих веков [8]; [9].

Муж Марьи Александровны Москалевой охарактеризован зооморфными лексемами как человек с ослиной головой, смотрящий вокруг «как баран на новые ворота» («Сколько раз я вбивала в твою ослиную голову, что я тебе вовсе не матушка?») [5, т. 2, с. 358]; «Как смеешь ты давать такое название благородной даме, которой место в высшем обществе, а не подле такого осла, как ты!» [5, т. 2, с. 358]), сама же она – «важная птица» [5, т. 2,

с. 374], причем, полагаем, птица хищная, так как в ее отношении используется аде́ктив *плотоядный* («спросила Марья Александровна, плотоядным взглядом окидывая поле предстоящей битвы» [5, т. 2, с. 340]), и отмечается рассказчиком, что «старика надо спасти от кровожадных когтей» [5, т. 2, с. 337]. Мозгляков, сам себя именующий ослом («Я осел, Марья Александровна» [5, т. 2, с. 355]; «Я – осел, Зинаида Афанасьевна!» [5, т. 2, с. 387]; «Я несравненно хуже осла!» [5, т. 2, с. 387]), вместо слов издает мычание: «промычал Мозгляков насмешливым голосом» [5, т. 2, с. 351], но Москалева его хочет раздавить как таракана [5, т. 2, с. 378] – так, помимо зоо- и орнитонаименований, в повести используются энтомосемизмы (термин Г.Ф. Ковалева: [6]), а сам он краснеет как рак [5, т. 2, с. 383].

У Натальи Дмитриевны «кошачьи глаза» [5, т. 2, с. 378], которыми она смотрит на Зину. С помощью симбиоза орнитоморфных и зооморфных характеристик создается образ слуги князя К.: «Вот у меня Те-рен-тий есть. <...> Глуп фе-но-менально! смотрит как баран на воду! Но какая сано-витость, какая торжественность! Кадык такой, светло-розовый! <...> такой важный вид! – одним словом, настоящий немецкий философ Кант или, еще вернее, откормленный жирный индюк» [5, т. 2, с. 313].

Интересен образ сороки-полковницы, являющийся собирательным образом всего женского общества города Мордасова. Дисгармоничность Фарпухиной эксплицируется разными художественными средствами. Начинается описание данного женского персонажа с противопоставления, основанного на птичьей символике: «Полковница, Софья Петровна Фарпухина, только нравственно походила на сороку. Физически она скорее походила на воробья» [5, т. 2, с. 328]. «Птичья» семантика образа обнаруживается во всем: тело ее держалось на «крепких воробьиных ножках», «она очень часто дралась и царапала ему лицо», «защебетала она» [5, т. 2, с. 328-329]. О многом говорит основное – сорочье – предназначение Фарпухиной – приносить плохие вести («стрекочущая возле дома сорока может быть предвестьем не каких-либо, а именно плохих вестей» [3, с. 562]). Портретное описание Фарпухиной включает веснушки, которые в славянской мифологии связаны с символикой сороки [3, с. 567].

Определенный вес имеет и мужчина с «птичьей» фамилией *Курочкин*: «Я у графини Залихватской обедала; за меня оберкомиссар Курочкин сватался!» [5, т. 2, с. 374]. Куриное сердце вместо человеческого отмечается у князя К. [5, т. 2, с. 375]: «Вся тревога, которую четверть часа назад Мозгляков заронил в его куриное сердце, исчезла при виде дам» [5, т. 2, с. 374]. В произведениях Ф.М. Достоевского «куриная» символика используется обычно для снижения образа, например, в последнем романе Смердяков – это «курица в падучей болезни».

Позитивная семантика птичьего образа в повести «Дядюшкин сон» связана с образом Зинаиды, которую госпожа Москалева называет

голубчиком и сравнивает с голубем: «Она чиста как голубь: она не рассчитывает; она только умеет любить, – милое дитя мое!» [5, т. 2, с. 352]. По верному наблюдению В.П. Владимирцева, вокатив *голубчик* – это «формула национального речевого этикета», которая «прилагается к персонажам как своеобразная мерка христианской подлинности или определенности человека» [2, с. 315]. Голубь в христианской традиции – символ мира, любви и спасения. Неслучайно Ф.М. Достоевский, перечитав свою повесть спустя много лет с момента ее создания, скажет, употребив адъектив «голубиный» в сочетании с существительным «незлобие»: «А потому невольно написал вещичку голубиного незлобия и замечательной невинности» [5, т. 2, с. 515].

Как видим, повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» является сложным и многослойным произведением, которое раскрывается через призму зоорфизма, способствующего выявлению глубинных смыслов. С помощью зоономинаций, на основе которых мастерски выстраивается апеллятивно-онимное текстовое единство, писатель создает яркие, зачастую карикатурные образы, одновременно подчеркивая сложность человеческой природы. В дальнейшем в своих произведениях писатель углубляется в размышления о проявлении в человеке животного начала, а в романе «Братья Карамазовы» идея единства человеческого и звериного начала воплощается в образе города с зооморфным названием *Скотопригоньевск*, ставшего символом вселенского скотоподобия.

Литература

1. Альтман, М.С. По вехам имен / М.С. Альтман. – Саратов, 1975. – 280 с.
2. Владимирцев, В.П. Животные в поэтологии Достоевского: народно-христианское бестиарное предание / В.П. Владимирцев // Проблемы исторической поэтики. – 1998. – №5. – С. 311–320.
3. Гура, А.В. Символика животных в славянской народной традиции / А.В. Гура. – М.: Издательство «Индрик», 1997. – С. 530.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х тт. / В.И. Даль. – М.: Терра, 1995.
5. Достоевский, Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. / Ф.М. Достоевский. – Л.: Наука, 1972–1988.
6. Ковалев, Г.Ф., Заки С.Г. Энтосемизмы (названия насекомых) в художественных текстах русской литературы / Г.Ф. Ковалев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 7. – С. 234–237.
7. Скуридина, С.А. Ономастический код художественных текстов Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина. – Воронеж, 2022. – 341 с.
8. Скуридина, С.А. Отражение свадебной обрядности в некоторых антропонимах Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина // Болгарская русистика. – 2016. – № 2. – С. 61–70.
9. Скуридина, С.А. «Ты что за птица?»: о специфике некоторых фамилий «великого пятикнижия» Ф.М. Достоевского / С.А. Скуридина // Научный вестник Воронежского архитектурно-строительного университета. Серия «Современные лингвистические и методико-дидактические исследования». – 2015. – № 1. – С. 149–162.